

Персонаж! Соблюдай персонажа!

Система зашлась в тревожном звоне: Хозяин, не ломай образ! От волнения она даже забыла про мимимишность.

Бай Шиу, закрой рот!

Е Чуи был раздражен. Ты мой первый подопечный, неужели не понимаешь, как выполнять задания? Неужели наша цель — просто исполнять желания хозяина тела? Нет, я не только выполняю желание, я проживу его жизнь достойно! Все эти Мэн Цзяцзя, Сунь Цзяцзя, Ли Цзяцзя... стоит мне начать жить для себя, как настоящие люди потянутся ко мне сами.

Но в чем основа достойной жизни?

В том, чтобы полюбить себя и жить так, как хочется.

В этот миг в груди разлилось тепло — казалось, сам прежний владелец тела безмолвно откликнулся на эти слова.

Так ли важен образ?

Теперь я — Тао Яохуэй, и мне достаточно прожить эту жизнь хорошо. Раз уж я решил расстаться с Мэн Цзяцзя, есть ли смысл продолжать играть перед ней роль верного пса?

Нет.

Система онемела, а Мэн Цзяцзя, сидевшая на пассажирском сиденье, остолбенела. В следующее мгновение ее лицо выразило обиду, брови слегка нахмурились, а в глазах, полных слез, сверкнул острый блеск, хотя сами слезы так и не пролились.

— Братец Яохуэй, ты меня не так понял, я совсем не это имела в виду.

Голос ее дрогнул, вызывая невольную жалость. Даже плачущая красавица остается прекрасной.

Если бы не неподходящая обстановка, Е Чуи даже присвистнул бы. Он смотрел на Мэн Цзяцзя: такая красавица, почему же она не может заняться чем-то стоящим, обязательно нужно портить жизнь другим? Впрочем, его взгляд оставался полным восхищения — красивые вещи, пусть и не всегда добрые, всегда радуют глаз.

Сработало!

Заметив этот восхищенный взгляд, Мэн Цзяцзя ощутила гордость. С самого детства она практиковалась перед зеркалом, находя лучшие ракурсы. Она знала, что именно так, со слезами, выглядит красивее всего и легче всего вызывает сочувствие. Крупные слезы, словно прозрачные жемчужины, печально застыли в глазах во время разговора. Как только она закончила фразу, слеза скатилась по щеке, оставив тонкий влажный след. Незнакомец не смог бы устоять, что уж говорить о Тао Яохуэе, который любил ее с самого детства?

Тао Яохуэй был таким же, как она, но в то же время совсем другим.

Пятнадцать лет назад, в ту зиму, она стирала ледяной водой пеленки новорожденного брата, слушая, как родители в теплой комнате играют с ним. Улыбнись, малыш, ну же, улыбнись! Голос отца звучал радостно — совсем не так, как когда он обращался к ней, холодно и отстраненно.

Смотри, ротик и бровки у малыша совсем как у тебя. Мачеха тоже улыбалась, и в ее голосе не было той резкости, с которой она обычно отчитывала падчерицу.

В комнате было тепло и уютно — вот как должна выглядеть настоящая семья. А она, с распухшими от холода руками, продолжала полоскать белье в ледяной воде. Она не боялась критики или наказаний, она боялась, что о ней забудут, что ее перестанут замечать. Слезы катились по щекам, крупными каплями падая в таз.

— Почему ты плачешь? — перед глазами показалась пара обуви. Черные ботинки, но очень чистые.

Мэн Цзяцзя подняла голову. Перед ней стоял мальчик в добротном пуховике, коричневой вязаной шапке и шарфе, с игрушечным грузовиком в руках. Он выглядел таким теплым. Маленький Тао Яохуэй возник перед ней, словно луч света — такой ослепительный и согревающий. Мэн Цзяцзя почувствовала себя настолько ничтожной, что ей хотелось провалиться сквозь землю. Она опустила голову, пытаясь спрятать за спину покрасневшие руки, и обиженно всхлипнула.

— Тебе слишком холодно? — маленький Тао Яохуэй недоуменно посмотрел на ее опухшие руки, улыбнулся и снял свои варежки, чтобы надеть их на нее. Такая красивая маленькая сестренка, она должна вырасти настоящей принцессой, подумал он тогда.

С тех пор он, словно рыцарь, всегда был рядом, оберегая свою маленькую принцессу — свою единственную принцессу. Бедный Тао Яохуэй, он умер, не дожив даже до тридцати.

— Братец Яохуэй, ты тоже устал от меня? Как мама с папой, ты тоже больше не хочешь меня знать? — Мэн Цзяцзя в машине плакала, вспоминая равнодушного отца, рано умершую мать и злую мачеху, и в этот момент ее слезы были вполне искренними.

Я не то что не хочу тебя знать, я никогда тебя и не держал!

Е Чуи мысленно усмехнулся, но не стал развивать тему, превращаясь в язвительного Тао, чтобы задевать плачущую соседку-красавицу. Да, они выросли вместе, но чувства тут были ни при чем — это слово требует лишь времени, чтобы обрести смысл. Переживать за нее, заботиться, а в итоге умереть ради нее — за почти двадцать лет Тао Яохуэй вложил в эти отношения всю душу. И хотя Е Чуи не хотел больше участвовать в ее драмах, он не желал ей зла и уж точно не хотел, чтобы она страдала.

Тао Яохуэю было жаль ее, а Е Чуи было лень совершать лишние телодвижения. Пусть будет так: молчание — лучший протест честного человека.

— Прости, братец Яохуэй, не злись на меня. Твоя мама скучает по тебе, правильно, что ты к ней едешь. У нее ведь нет своих детей, и для нее ты значишь столько же, сколько для меня. — Сказав это, Мэн Цзяцзя вытерла слезы и слабо улыбнулась. — Посмотри на меня, чего я расклеилась? Братец Яохуэй всегда будет моим братцем Яохуэем. Как ты можешь злиться на меня из-за этого?

Е Чуи: ...Бай Шиу, ты видел? Вот это спектакль. Идеальный выход из ситуации: парой фраз сделала вид, что мы помирились, я теперь обязан продолжать пахать на нее, да еще и умудрилась подпортить отношения с моей матерью. Ну и ну.

Система: Устала... И вообще, я не Бай Шиу...

Е Чуи: Бай Шиу, учись. Ты как система довольно человечна, но еще слишком неопытна. Побольше понимания людских нравов — и сможешь лучше оценивать ситуации. Развивайся, новичок-система!

Бай Шиу смирилась: пусть будет Бай Шиу. Но я должна уточнить: хоть я и новичок, я когда-то была человеком!

Система когда-то была человеком — эта информация отозвалась в сознании Е Чуи. Потеря памяти, заключение контракта, собственные желания...

— Цзяцзя, мой отец ушел рано, я его почти не помню, меня вырастила мама. До десяти лет мы жили только вдвоем, а после десяти появилась ты. Неважно, были ли у нее свои интересы или она просто думала о старости, она растила меня, когда я был мал, теперь я забочусь о ней, когда она стара — разве это не правильно? Я не хочу больше слышать от тебя ничего о моей матери. Не все мачехи злые.

Не все мачехи злые, усмехнулся про себя Е Чуи. Просто его собственная мачеха была злой, а ему не повезло.

Бай Шиу вспомнила досье Е Чуи: у него тоже была мачеха, которая довела до смерти родную мать и пробилась в дом вместе с незаконнорожденным ребенком.

<http://bllate.org/book/20364/2036700>